

ANATOLII ZAHNITKO (АНАТОЛИЙ ЗАГНИТКО)

<https://orcid.org/0000-0001-7398-6091>

Doniecki Uniwersytet Narodowy im. Wasyla Stusa

ОЛНА ВОЙКО (ОЛЬГА БОЙКО)

<https://orcid.org/0000-0001-5250-6538>

Uniwersytet Atatürka, Erzurum, Turcja

КОНЦЕПТ СВЕТ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ФЭНТЕЗИЙНОМ ДИСКУРСЕ МАКСА ФРАЯ

CONCEPT LIGHT IN RUSSIAN FANTASY DISCOURSE OF MAX FREI

The main attention is focused on the structural components of LIGHT with a consistent consideration of quantitative and qualitative characteristics, as well as constructions that verbalize the concept, different in part-speech and linear length. It has been established that Light can be a characteristic of 'living reality', sometimes it is associated with the existential experiences of the characters and is accompanied by religious allusions. As a property of reality (the world), light can come from the sky, water, architectural buildings, or constitute the nature of cities. The variety of lexemes used to denote the process of luminescence, the characteristics of light, serves to create a three-dimensional picture of the magical process. The most informative are constructions of 3, 4 or more components, which, with the help of comparisons or homogeneous constructions, allow the reader to more fully present what is happening in the text.

Keywords: concept LIGHT, Max Frei, fantasy, structural analysis

Введение. Одной из задач когнитивной лингвистики является установление особенностей национально-когнитивной картины мира с диагностированием ее компонентов, что позволяет определить, как обустроено национально-когнитивное пространство и национально-когнитивная картина мира. Этому способствует применение концептуального (Элла Гусева¹), концептуально-

¹ Э. Гусева, *Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований*, «Интеллект. Инновации. Инвестиции» 2012, № 2 (спецвыпуск), с. 24–26.

репрезентативного (Елена Беляевская², Наталия Беседина³), фреймового (Жанна Никонова⁴), прототипического (Валерий Демьянков⁵, Джордж Лакофф⁶, Элеонора Рош⁷) методов, а также метода когнитивного моделирования (Оксана Федотова⁸) и других методов и методик. Исследование концепта, анализ его структуры позволяет определить актуальность его вербальных реализаторов, установить их взаимодействие, а шире — концептуальное устройство языка. Одним из этапов представляется попытка составить антологию концептов⁹, что позволяет определить уровень и качество используемых практик анализа концептов, их квалификации, установления структуры и проч. Каждый концепт является уникальным по качеству вербализации, взаимосвязей с подобными ему структурами, реализации в когнитивно-речевых практиках, путем исследования которых можно диагностировать особенности авторского мировосприятия.

Обзор литературы. На современном этапе существует множество исследований, посвященных концепту СВЕТ. Ряд ученых анализирует его в тесной связи с концептом ТЪМА (Татьяна Гри-

² Е. Беляевская, *Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа)*, «Вопросы когнитивной лингвистики» 2005, № 1, с. 5–14.

³ Н. Беседина, *Морфологически передаваемые концепты*, Издательство Белгородского университета, Издательство Тамбовского университета, Москва–Тамбов 2006; Н. Беседина, *Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка*, «Принципы и методы когнитивных исследований языка», Издательство Тамбовского университета, Тамбов 2008, с. 61–72.

⁴ Ж. Никонова, *Теория фреймов в лингвистических исследованиях*, Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2006.

⁵ В. Демьянков, *Прототипический подход* // Е. Кубрякова, В. Демьянков, Ю. Панкрац, Л. Лузина (ред.), *Краткий словарь когнитивных терминов*, Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва 1996, с. 140–145.

⁶ Дж. Лакофф, М. Джонсон, *Метафоры, которыми мы живем*, Едиториал УРСС, Москва 2004, с. 98–102.

⁷ E. Rosch, C. Mervis, W. D. Gray, D. M. Johnson, P. Boyes-Braem, *Basic objects in natural categories* «Cognitive Psychology» 1976, v. 7, с. 382–439.

⁸ О. Федотова, *Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2015, 4, ч. 2, с. 199–202.

⁹ *Антология концептов*, Парадигма, Волгоград 2005–2012, т. 1–7.

горьева¹⁰, Лусине Гюлумян¹¹, Татьяна Пономарева¹², Анна Родионова¹³). Концепт или идея света рассмотрены не только с точки зрения чисто концептуального анализа (Николай Максименко¹⁴, Татьяна Тимонина¹⁵), но и в аспекте русской языковой картины мира (Жанна Полежаева¹⁶), и в контексте рекламного дискурса (Халина Кудлинська¹⁷). Кроме того, в упомянутых исследованиях раскрыты этимологические (Т. Григорьева) и религиозно-духовные (Т. Пономарева) аспекты концепта СВЕТА.

Актуальность представленного исследования состоит в том, что в настоящее время полностью отсутствуют работы, посвященные анализу концепта СВЕТА в фэнтезийном дискурсе, в котором данный концепт является текстообразующим. О физике магии как процессе, специфических особенностях магии написано немного научных работ. В частности, интерес представляет статья¹⁸, в которой рассмотрены особенности происхождения

¹⁰ Т. Григорьева, *Языковая жизнь концептов «свет» и «тьма» (на материале русского языка)*, «Вестник МГЛУ», вып. 570, с. 62–75.

¹¹ Л. Гюлумян, *Языковая объективация концептов СВЕТА и ТЬМА в документальных и художественных текстах Л. Н. Андреева*: монография, РИО АГПУ, Армавир 2018.

¹² Т. Пономарева, *Концепты «свет» и «тьма» в поэзии раннего Н. Клюева // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец)*, Череповецкий гос. ун-т Череповец 2015, с. 97–103.

¹³ А. Родионова, *Средства выражения семы «насыщенность основного тона цвета» концепта света и тьмы в русском и английском языках*, 2011, <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semy-nasyschennost-osnovnogo-tona-tsveta-kontsept-a-sveta-i-tmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (21.08.2022).

¹⁴ Н. Максименко, *Биоморфизм как компонент индивидуально-авторского осмысления концепта «СВЕТА» Б. Л. Пастернаком*, <https://cyberleninka.ru/article/n/biomorfizm-kak-komponent-individualno-avtorskogo-osmysleniya-kontsept-a-svet-b-l-pasternakom/viewer> (21.08.2022).

¹⁵ Т. Тимонина, *Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира А. Мердок*, «Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме», 2014, с. 142–151.

¹⁶ Ж. Полежаева, *Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики)*, Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Кемерово 2008.

¹⁷ Х. Кудлинська, *Моделирующий концепт «СВЕТА» в современном русском и польском рекламном дискурсе*, «Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки», 2006, т. 148, кн. 3.

¹⁸ S. D. Vander Ploeg, K. Phillips, *Playing with Power: The Science of Magic in Interactive Fantasy* // «Journal of the Fantastic in the Arts» 1998, Vol. 9, № 2 (34).

КОНЦЕПТ СВЕТ...

магии, ее свойств в фэнтезийных интерактивных видеоиграх. Авторы говорят о том, что все больше внимания уделяется механизму, стоящему за магией, и анализируют создание персонажей игроков, атрибуты игры, характеристики персонажей и т.д. Тем не менее, все еще наблюдается недостаток исследований, посвященных анализу физических свойств магии в фэнтезийных текстах, особенно в русскоязычном секторе.

Новизна исследования заключается в том, что мы впервые подошли к вопросу физических свойств магии, в частности, реализации концепта СВЕТ, как текстообразующего концепта в русскоязычном фэнтезийном дискурсе. Рамки осуществляемого анализа позволяют поставить целью лексико-синтаксическое исследование рассматриваемого концепта, для чего необходимо выполнить ряд задач: создать выборку фрагментов текста, в которых упоминается свет или процесс свечения; вычленив из объемных фрагментов автономные синтаксические конструкции, непосредственно описывающие свет/свечение; классифицировать такие конструкции по количеству компонентов от 1-, 2-, 3-, 4- до n-компонентных; проанализировать синтаксический, лексический и семантический аспект конструкций; на основании проведенного анализа сделать выводы о частотности и цели использования автором тех или иных лексем и конструкций для создания полноценного фэнтезийного текста. Представим решение предложенных задач в схеме (рис. 1)

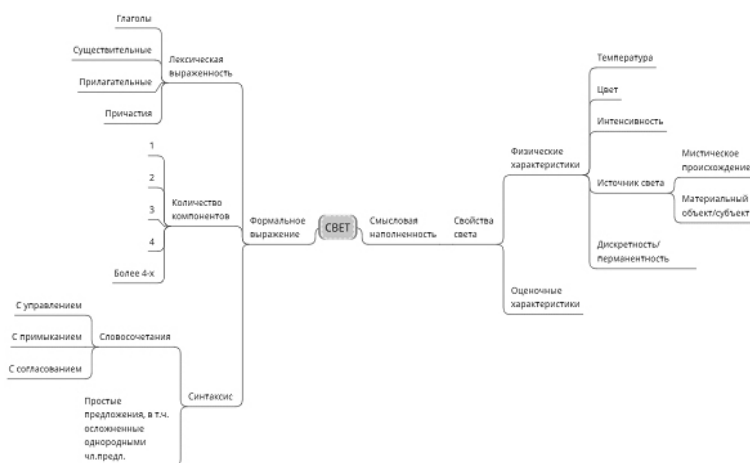

Рис. 1

Материалом анализа служит выборка (мини-корпус) из 83 фрагментов текста, включающих в себя 132 синтаксические конструкции разного типа. Для создания выборки мы использовали метод поиска ключевых слов в электронных текстах, дальнейшей их группировки, классификации и обработки, а также создания непосредственно текста в текстовом процессоре Scrivener (рис. 2)

Рис. 2

Также были использованы методы компонентного, синтаксического и квантитативного анализа.

Изложение основного материала. Рассмотрим лексико-синтаксические особенности конструкций, содержащих упоминание процесса свечения. Согласно точке зрения Жанны Полежаевой,

[...] глаголы-светообозначения [...] имеют разную номинативную природу — помимо глагольной еще и субстантивную, адъективную и адverbальную (ср.: сияние, блеск, светлый, сверкающий, светло), — отражают приоритетные для любого национального коллектива [...] представления о феномене света¹⁹.

В исследовании Полежаевой детально рассмотрены свойства содержательной структуры глаголов-светообозначений, семантического комплекса характерных сем светового признака:

¹⁹ Ж. Полежаева, *Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики)*, Изд-во Кемеров. ун-та, Кемерово 2008, с. 3.

КОНЦЕПТ СВЕТА...

[...] специфичных — свет, блеск, излучаемость, видимость (зрение), абстрактных — бытийность и становление, квалифицирующих — светоотражаемость, светопроницаемость, светопропускаемость и др. Сочетания указанных сем образуют в своей тесной спаянности семантические комплексы, которые в зависимости от градации по шкале от + до -, квалифицируются как наличие или отсутствие светового признака²⁰.

Опираясь на исследования лингвистов, изучающих концепт СВЕТА, мы анализируем компонентный состав конструкций, а также их синтаксическую и лексическую составляющую, с целью определить частотность используемых лексем и их текстообразующую роль в фантазийном дискурсе Макса Фрая.

1- И 2- КОМПОНЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Однокомпонентные конструкции являются наименее частотными: в выборке представлены два варианта без уточняющих элементов: «сияние» и «светится».

2-компонентные конструкции (24) могут быть словосочетаниями с **согласованием** (13) и **примыканием** (9). Среди первых актуальными представляются конструкции, в которых:

А) прилагательное или причастие обозначает **процесс свечения** объекта (субъекта) либо **источник** такого свечения (9). Изредка может быть указана интенсивность свечения, постоянная: «яркое небо»²¹; или переменная, с использованием синонимичных причастий: «сияющие стволы»²²; «Блистающая бездна»²³; «блесну, сияющую»²⁴; «светящимися границами»²⁵; «сияющей каше»²⁶; «светящимися руками»²⁷. В отдельных случаях акцентирован источник света: «огненные тени»²⁸; «солнечный ветер»²⁹;

²⁰ Там же, с. 7.

²¹ М. Фрай, *Мертвый ноль*, АСТ, Москва 2018. В дальнейшем все цитирования иллюстративного характера взяты из текстов этого автора, упоминания будут сопровождаться названием произведения.

²² Там же, с. 214.

²³ Там же, с. 167.

²⁴ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

²⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

²⁶ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

²⁷ *Я или ночь // Сказки Старого Вильнюса*, т. 5, АСТ, Москва 2015.

²⁸ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

²⁹ *На сдачу // Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

Б) прилагательное обозначает **свойства света**, реже — его **цветовые характеристики** (4): «синего света»³⁰; интенсивность: «ослепительный свет»³¹; или субъективное, в приведенных примерах — негативное отношение героя к свету: «нехорошее сияние»³², «чертова иллюминация»³³.

Словосочетания с **управлением** (1) обозначают концентрированность света: «сгустков света»³⁴; с **падежным и собственно примыканием** маркируют место процесса свечения: «дОма не гаснет»³⁵; «сияет черт знает где»³⁶ или его фазовость: «стало светло»³⁷.

Из **предикативных частей** в составе сложных предложений мы выбирали элементы, непосредственно относящиеся к свету (7). Такие части могут характеризовать:

— начало процесса свечения, обозначаемое приставкой: «**за**-светилась паутина»³⁸ или глаголом: «**начинают** светиться»³⁹; «**начал** светиться»⁴⁰; «**начинает** светиться»⁴¹;

— течение процесса. Свет может представляться признаком объекта: «светятся руки»⁴² или субъектом, выполняющим действие, напр. по аналогии с водой — «льется свет»⁴³.

Один пример из выборки представлен **однородными членами предложения**, обозначающими парадоксальную постоянность и дискретность процесса свечения: «сверкал и светился»⁴⁴.

Таким образом, двухкомпонентные конструкции наиболее часто выражены словосочетанием с **согласованием**. Такое словосочетание может обозначать цвет, качество, интенсив-

³⁰ Тяжелый свет // Сказки Старого Вильнюса, т. 4, АСТ, Москва 2015.

³¹ Сундук мертвеца, АСТ, Москва 2017.

³² Магахонские лисы // Волонтёры вечности, АСТ, Москва 2007.

³³ Тяжелый свет // Сказки Старого Вильнюса, т. 4, АСТ, Москва 2015.

³⁴ Сладкие грезы Гравви // Наваждения, АСТ, Москва 2005.

³⁵ Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

³⁶ Там же, с. 129.

³⁷ Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося, АСТ, Москва 2005.

³⁸ Дебют в Ехо // Чужак, АСТ, Москва 2007.

³⁹ “Король Банджи” // Чужак, АСТ, Москва 2007.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Мертвый ноль, АСТ, Москва 2018; Слишком много кошмаров, АСТ, Москва 2015.

⁴² Я или ночь // Сказки Старого Вильнюса, т. 5, АСТ, Москва 2015.

⁴³ Мертвый ноль, АСТ, Москва 2018.

⁴⁴ Мертвый ноль, АСТ, Москва 2018.

ность самого света, процесс свечения разнообразных субъектов. Частотными являются причастия, характеризующие интенсивность свечения: «сияющий» (4), и глаголы, указывающие на перманентность света: «светить(ся)» (5).

3-КОМПОНЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Конструкции из трех компонентов многочисленны (44) и их можно классифицировать по нескольким признакам.

Наиболее частотны (16) **словосочетания**, содержащие **два однородных определения**. Они могут:

— иметь отношение к свету как объекту и обозначать ‘размер + физическую характеристику’: «крошечная шаровая молния»⁴⁵; ‘цвет + физическую характеристику’: «белоснежная шаровая молния»⁴⁶; ‘оценочную + физическую характеристики’: «невозможным небесным огнем»⁴⁷; «сладкий холодный свет»⁴⁸; ‘интенсивность свечения + цвет’: «ослепительный белый свет»⁴⁹; «ослепительно белая искра»⁵⁰; «огненно-синюю вечность»⁵¹;

— относиться к субъекту свечения и маркировать ‘качество/цвет + обозначение свечения’: «твердым сияющим небом»⁵²; «сияющим полупрозрачным языком»⁵³; «сияющего белоснежного камня»⁵⁴; «тело было... огромным и сияющим»⁵⁵; ‘оценочную характеристику + обозначение свечения’: «отличные сияющие чуваки»⁵⁶; «великолепной сверкающей башне»⁵⁷;

⁴⁵ Магахонские лисы // Волонтёры вечности, АСТ, Москва 2007.

⁴⁶ Путешествие в Кеттари // Чужак, АСТ, Москва 2007.

⁴⁷ Тяжелый свет Куртейна. Желтый, АСТ, Москва 2019.

⁴⁸ Отдай мое сердце, АСТ, Москва 2017.

⁴⁹ Сундук мертвеца, Москва 2017.

⁵⁰ Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса, т. 3, АСТ, Москва 2014.

⁵¹ Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

⁵² Отдай мое сердце, АСТ, Москва 2017.

⁵³ Очки Багги Бугвина // Волонтёры вечности, АСТ, Москва 2007.

⁵⁴ Сладкие грезы Гравви // Наваждения. АСТ, Москва 2005.

⁵⁵ Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи, АСТ, Москва 2005.

⁵⁶ Белый ключ // Сказки Старого Вильнюса, т. 6, АСТ, Москва 2017.

⁵⁷ Много прекрасных дорог // Сказки Старого Вильнюса, т. 1, АСТ, Москва 2012.

«странное светящееся существо»⁵⁸; «нарядный сверкающий пояс»⁵⁹; ‘характеристику состояния + обозначение свечения’: «дрожащее сияющее пространство»⁶⁰.

Шесть типичных конструкций представляют собой **простые предложения**, включающие подлежащее, определение и сказуемое. Определение может выражать цветовую характеристику света, сказуемое — свойства процесса свечения: «вспыхнула белая молния»⁶¹; «желтый свет окутал»⁶². Иногда определение вербализует физическую характеристику света, при этом глагол может характеризовать интенсивность свечения, а прилагательное — его природу: «дневной свет ослепляет»⁶³; в некоторых примерах глагол обозначает окончание процесса: «бенгальский огонь погас»⁶⁴. В примере «смертоносные перчатки сверкнули»⁶⁵ определение относится к подлежащему (субъекту свечения), маркируя его магические (=физические) свойства. Конструкция может быть простым предложением ‘подлежащее + обстоятельство времени + сказуемое’, где сказуемое с обстоятельством времени обозначают скорость затухания: «огоньки быстро гасли»⁶⁶.

Используются словосочетания (5), обозначающие форму света, его концентрацию, и выраженные словосочетаниями с **управлением**, конструкция — ‘существительное + прилагательное/причастие + существительное’ в родительном падеже: «озера бледного света»⁶⁷; «кокон светящихся нитей»⁶⁸; «миллионы сверкающих пузырьков»⁶⁹; «мире живого света»⁷⁰; «брызгами желтого света»⁷¹. В данных примерах свет характеризуется по интенсивности (блед-

⁵⁸ *Очки Багги Бугвина // Волонтеры вечности*, АСТ, Москва 2007, 554 с.

⁵⁹ *Корабль из Арвароха и другие неприятности // Волонтеры вечности*, Москва 2007.

⁶⁰ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁶¹ *Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

⁶² *Дебют в Ехо // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁶³ *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

⁶⁴ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

⁶⁵ *Корабль из Арвароха и другие неприятности // Волонтеры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁶⁶ *Дебют в Ехо // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Мертвый ноль*, АСТ, Москва 2018.

⁶⁹ *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁷⁰ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁷¹ *Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

ного), дискретности свечения (сверкающих) или его постоянству (светящихся), цвету (желтого) и биоморфизму (живого). О биоморфизме света писал Николай Максименко, анализируя концепт СВЕТА у Бориса Пастернака. Он упоминал о трех сегментах биоморфического компонента концепта, относя этот компонент к индивидуально-авторской составляющей концепта: «В первый сегмент входят признаки, общие для всех живых существ. Второй сегмент состоит из антропоморфных признаков, третий включает зооморфные признаки»⁷².

В конструкциях типа ‘определение + обстоятельство способа действия’ (4), выраженных **словосочетаниями с управлением**, глагольная форма выражает начало или течение процесса свечения, прилагательное — интенсивность либо цветовую (физическую) характеристику света, существительное — форму свечения: «озаряется разноцветными сполохами»⁷³; «мерцали бледным светом»⁷⁴; «вспыхнула бледным светом»⁷⁵; в примере «мерцающие [...] хрустальным холодом»⁷⁶ существительное, обозначающее свет, заменено на температурную характеристику «холод», кроме того, использована метафора по сходству с материалом: «хрустальным».

В качестве описания свечения субъекта используются конструкции ‘глагол + прилагательное/причастие + существительное’ (3). Прилагательное может обозначать небольшую насыщенность оттенка. Средства выражения семы «насыщенность основного тона цвета» проанализировала Анна Родионова, выделив два аспекта цветового значения концепта света и тьмы:

Эта сема может передаваться сложными прилагательными, которые состоят из двух частей, первая из которых содержит сему «меньшей или большей степени насыщенности основного тона цвета» (светло-, темно-), а вторая часть передает сему «основной тон цвета» (светло-зеленый, темно-зеленый), т.е. первая часть сложного прилагательного модифицирует степень насыщенности основного тона цвета, выраженного второй частью⁷⁷.

⁷² Н. Максименко, *Биоморфизм как компонент индивидуально-авторского осмысления концепта «СВЕТА» Б.Л. Пастернаком*, <https://cyberleninka.ru/article/n/biomorfizm-kak-komponent-individualno-avtorskogo-osmysleniya-kontseptsa-svet-b-l-pasternakom/viewer> (21.08.2022).

⁷³ *Тяжелый свет Куртейна. Желтый*, АСТ, Москва 2019.

⁷⁴ *Магахонские лисы // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁷⁵ *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁷⁶ *Дебют в Ехо // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁷⁷ А. Родионова, *Средства выражения семы «насыщенность основного тона цвета» концепта света и тьмы в русском и английском языках*,

В текстах Макса Фрая невысокая насыщенность тона цвета выражается с помощью суффикса -оват-: «сверкнула зеленоватым светом»⁷⁸; «сияли голубоватым светом»⁷⁹. Насыщенность, яркость в некоторых случаях подчеркивается прилагательным: «сияющая пронзительной белизной»⁸⁰. Используются лексемы для обозначения однократности вспышки (сверкнула) или длительности процесса (сияли, сияющая).

В трех случаях наблюдаем введение однородных членов предложения в сочетании с глаголом, обозначающим начало или процесс свечения:

Тело Джуффина казалось мне огромным и сияющим. Чем дольше я смотрел на него, тем больше и ярче становился его силуэт. Поблизости тускло мерцал какой-то невнятный комок. ...он, скорее всего, уже мертв. Только мертвец мог оставаться таким маленьким и тусклым в этом [...] месте⁸¹.

В рассматриваемом примере «маленький и тусклый», а также «тускло мерцал» противопоставляются характеристике «был огромным и сияющим», «больше и ярче», что указывает на корреляцию интенсивности свечения и размера субъекта, как признаков жизни. Однородные сказуемые могут относиться к субъекту свечения: «тротуар дрожал и переливался»⁸², где глагол «переливался» обозначает быструю смену цветов. Заметим, что в похожей конструкции «начинает дрожать и мерцать»⁸³ глагольная лексема свечения также связана с глаголом движения «дрожать», что подчеркивает дискретность потока света в сочетании с синонимическими лексемами «переливался», «мерцать».

В текстах присутствуют и причастные обороты, содержащие обстоятельство места действия: «свет, льющийся отовсюду»⁸⁴; «сверкающий в солнечных лучах»⁸⁵.

<https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semy-nasyschennost-osnovnogo-tona-tsveta-kontsepta-sveta-i-tmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (21.08.2022).

⁷⁸ *Магахонские лисы // Волонтеры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁷⁹ *Чужак // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁸⁰ *Камера №25 хох-ау // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁸¹ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

⁸² *Черный ветер // Сказки Старого Вильнюса*, т. 2, АСТ, Москва 2013.

⁸³ *Отдай мое сердце*, АСТ, Москва 2017.

⁸⁴ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

⁸⁵ *...вымышленных существ // Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

В некоторых конструкциях акцентирована магическая составляющая текста с помощью описания процесса, физически невозможного в «реальном» мире, ср: «камни сияют как фонари»⁸⁶: использовано сравнение «как фонари» для обозначения интенсивности свечения объекта, которому традиционно не свойственно излучать свет. Предложение «девочки взрывались фейерверками»⁸⁷ также состоит из подлежащего, сказуемого и обстоятельства способа действия, и так же подчеркивает фантастическую природу процесса.

Особую группу составляют предложения «И будет свет; везде будет свет; мы будем свет» из рассказа *Жили в шатрах, умывались бисером*⁸⁸. Расположенные в таком порядке, они указывают на градацию и трансформацию свечения в будущем: вначале свет «будет», после он «будет везде», и в конце «мы будем свет», что означает переход живых субъектов в качественно иную форму существования.

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу, что наиболее часто в текстах встречаются трехкомпонентные конструкции с однородными определениями, характеризующими процесс свечения, физические и цветовые характеристики света и объекта свечения.

4-КОМПОНЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Группа 4-компонентных конструкций состоит из выборки в 28 единиц, среди которых наиболее частотными (14) являются конструкции, актуализирующие процесс свечения (его начало, течение или завершение), физические или цветовые характеристики и собственно свет, обозначенный в тексте синонимическими лексемами.

Начало процесса выражается глаголами «вспыхнуть», «озариться», «засветиться»: «вспыхнули ослепительно белым огнем»⁸⁹; «вспыхнуло ослепительно-белое пламя»⁹⁰ — в обеих

⁸⁶ Слишком много кошмаров, АСТ, Москва 2015.

⁸⁷ Черный ветер // Сказки Старого Вильнюса, т. 2, АСТ, Москва 2013.

⁸⁸ Жили в шатрах, умывались бисером // Сказки Старого Вильнюса, т. 3, АСТ, Москва 2014.

⁸⁹ Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося, АСТ, Москва 2005.

⁹⁰ Зеленые воды Ишмы // Наваждения, АСТ, Москва 2005.

конструкциях свет сопоставляется с огнем, и в обоих случаях использованы сочетания 'интенсивность света + цвет': «ослепительно-белый», «ослепительно белый». Характерно, что наличие или отсутствие дефиса меняет семантическую характеристику наречия: при наличии дефиса наречие «ослепительно» означает яркость цвета, при отсутствии — физическое, зрительное восприятие интенсивности цвета. В конструкциях «озарилась холодным бледным светом»⁹¹; «засветился тусклым сиреневым светом»⁹² использованы прилагательные, обозначающие слабую интенсивность света: «бледным», «тусклым», актуализирован цвет: «сиреневым» или физическая характеристика: «холодным».

Продолжительность, непрерывность процесса свечения актуализирована в восьми примерах. Такие конструкции указывают на характер свечения, а также содержат физическую и цветовую гамму света, выражаемые прилагательными: «светился теплым оранжевым светом»⁹³; «сияющий ярким зеленым светом»⁹⁴; «мерцающие бледным красноватым светом»⁹⁵; «сияющие ослепительным синим светом»⁹⁶. В других случаях оба определения указывают на физические характеристики света: «ясным холодным лучам, льющим [...]»⁹⁷; «мерцает тусклым холодным светом»⁹⁸. В конструкции «сияющий изнутри теплым светом»⁹⁹ наблюдаем наречие «изнутри», реализующее локативную функцию, прилагательное же актуализирует физическую характеристику света — «теплый».

Особого внимания заслуживает конструкция-оксюморон, характерная для текстов Макса Фрая: «как бы светятся густой темнотой»¹⁰⁰. В данном случае модальная частица «как бы» подчеркивает своеобразие описываемого явления, ведь темнота изначально воспринимается как отсутствие света, а здесь темнота становится синонимом света. Описание подобного процесса наблюдаем в романе *Тубурская игра*:

⁹¹ *Гнезда Химер. Хроники Хугайды*, АСТ, Москва 2015.

⁹² *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

⁹³ «Король Банджи» // *Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁹⁴ *Болтливый мертвец // Болтливый мертвец*, АСТ, Москва 2006.

⁹⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

⁹⁶ *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

⁹⁷ *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

⁹⁸ *Я иду искать*, АСТ, Москва 2016.

⁹⁹ *Чужак // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

¹⁰⁰ *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

КОНЦЕПТ СВЕТА...

Все вы [...] видели, как светит, рассеивая мрак, очень большой, мощный фонарь. Теперь представьте себе, что на дворе белый день, а от фонаря исходит тьма...¹⁰¹.

Пять конструкций указывают на источник света и описывают физические и/или цветовые характеристики свечения. Так, в сочетаниях «оранжевый свет сердитых грибов»¹⁰²; «шары с голубоватым светящимся газом»¹⁰³ каузаторами света являются светильники, однако «сердитые грибы» светятся сами «оранжевым светом», в то время как шары наполнены «голубоватым светящимся газом». Свет может исходить от иных волшебных объектов, отражаясь от них: «сверкают обрывки золотых волокон»¹⁰⁴.

В двух случаях источник света — солнце. В конструкции «яркий свет предзакатного солнца»¹⁰⁵ определение источника света указывает на время происходящего и одновременно является физической квалификацией, относящейся к «яркому свету». В предложении «сияют целых два солнца»¹⁰⁶ нет характеристики ни света, ни его источника, однако количество — два — конкретизирует интенсивность свечения. Заключительный в этой группе пример — «светом неведомой новой жизни»¹⁰⁷ — переводит значение физического света в экзистенциальную плоскость.

Четыре конструкции выделяем по признаку оценочности характеристики качества света. Так, в позитивном ключе построены сочетания: «изумительными переливами прозрачного света»¹⁰⁸; «зареву такого удивительного оттенка»¹⁰⁹, где синонимы «изумительный», «удивительный» в комплексе с существительными «переливы», «зареву» выполняют суггестивную функцию для создания атмосферы сказочности, волшебства. В конструкции «непереносимо яркого изумрудно-зеленого сияния»¹¹⁰ сочетание слов «непереносимо яркого» является

¹⁰¹ *Тубурская игра*, Амфора, Москва 2013.

¹⁰² «Король Банджи» // *Чужак*, АСТ, Москва 2007.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *После того, как всё* // *Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹⁰⁵ *Голова и лира плыли по Гебру* // *Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

¹⁰⁶ *На сдачу* // *Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

¹⁰⁷ *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

¹⁰⁸ *Возвращение Угурбадо* // *Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

¹⁰⁹ *Тяжелый свет Куртейна. Синий*, АСТ, Москва 2018.

¹¹⁰ *Тень Гугимагона* // *Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

нейтральным, объективным, в отличие от синонимичного «невыносимо», однако указывает на повышенную интенсивность, недоступную для человеческого восприятия. Кроме того, использовано редкое для текстов Макса Фрая цветочное определение «изумрудно-зеленый». В негативном ключе построена конструкция «каким-то неприятным бледным светом»¹¹¹, где оценочность выражена сочетанием местоимения «каким-то» и прилагательных «неприятным» и «бледным».

Всего два примера, указывающих на окончание процесса свечения. В одном случае — в связи с исчезновением субъекта свечения: «неправдоподобный сияющий мир исчез»¹¹²; в этом предложении конструкция включает компоненты, указывающие на нереалистичность субъекта: «неправдоподобный»; на процесс свечения: «сияющий»; и собственно на природу субъекта: «мир». Другое словосочетание обозначает физическую и цветовую характеристику света, который перестает светить: «теплый желтый свет угас»¹¹³.

В двух сочетаниях объекты свечения характеризуются по их качеству или количеству. В примере «тоненький лучик бледного света»¹¹⁴ очевидной становится слабая интенсивность свечения: использованы уменьшительно-ласкательные суффиксы и специфическая семантика прилагательного: «тоненький лучик», а также охарактеризована интенсивность света: «бледного». В конструкции «миллионы крошечных сияющих пылинок»¹¹⁵ лексема «пылинки» указывает на незначительность размеров светящегося субъекта, что усиливается определением «крошечных», однако незначительность размеров компенсируется и даже доминирует через количество объектов: «миллионы», что указывает на повышенную интенсивность свечения.

Интерес представляют две конструкции, указывающие на биоморфизм света или субъекта свечения. В текстах Макса Фрая встречаются сочетания, которые мы можем отнести ко второму сегменту биоморфизма света (по Максименко), включающему антропоморфные признаки: «огненный шар, веселый

¹¹¹ *Путешествие в Кеттари // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

¹¹² *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹¹³ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹¹⁴ *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

¹¹⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

и сердитый»¹¹⁶; «золотой ручей, веселый и звонкий»¹¹⁷. Определение «веселый» в одном случае создает контраст, многогранность «характера»: огненный шар «веселый и сердитый», а в другом случае — гармонично сочетается с определением «звонкий» и дополняется цвето-материальной характеристикой субъекта: «золотой» ручей.

Как и в блоке с 3-компонентными конструкциями, наиболее частотными являются сочетания с характеристикой света, однако 4-компонентные в этом случае более точно выражают свойства света благодаря однородным определениям, указывающим на цветовую и физическую (иногда — оценочную) характеристики.

РАЗВЕРНУТЫЕ, МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Большой интерес для лингвистического анализа представляют конструкции, состоящие из более чем четырех компонентов. Эту выборку (32 ед.) можно разделить на несколько групп.

1. Конструкции-сравнения (9).

1.1. Сравнение магического света с бытовым (6). В трех случаях наблюдаем сравнение со светильниками, выраженное союзами «как», «словно», и уточнение физических, в т.ч. цветовых характеристик, интенсивности свечения: «засияла тусклым светом, словно под нею была спрятана настольная лампа»¹¹⁸. В данном примере тусклость света без уточнения его цветового оттенка аргументируется тем, что источник скрыт. Кроме того, конструкция выражает начало процесса свечения: «засияла». В примере «вспыхнул изнутри теплым желтым светом, как зажженная керосиновая лампа»¹¹⁹ наблюдаем глагол начала свечения: «вспыхнул», указание на характеристики света: «теплый желтый», а также сравнение с лампой, но не настольной, а керосиновой, и в этом случае акцентировано внимание на том, что лампа «зажжена». Еще одно сравнение со светильником от-

¹¹⁶ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹¹⁷ *Оплата по договоренности // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹¹⁸ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹¹⁹ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

сылает к осветительным приборам мира Ехо: «Мерцал [...] как старый грибной фонарь, — тусклым светом насыщенного оранжевого оттенка»¹²⁰. Свечение находится в процессе, свет дискретный: «мерцал»; указание на возраст грибного фонаря — старый — апеллирует к размерам (старые грибы большого размера) и цвету. Характерно, что оттенок «насыщенный оранжевый», но при этом свет «тусклый». Конструкции такого рода создают образ, который легче вообразить читателю, в том числе и хорошо знакомому с бытом мира Ехо.

1.2. Отсылка к солнечному свету (2). «Руки мои сияют, как два бледных северных солнца»¹²¹; «сверкает так, словно воды его освещает как минимум дюжина солнц»¹²². В обоих примерах обнаруживаем указание на интенсивность света, благодаря гиперболическому увеличению количества источников: два, дюжина. Однако в первом примере солнца хоть и два, но свет их не интенсивен и, вероятнее всего, имеет белый оттенок: «бледных северных». Также присутствуют глаголы-синонимы, обозначающие непрерывность процесса: «сияют», «сверкает».

1.3. Метафорическое сравнение (1). В конструкции «сияющему тусклым, но теплым оранжевым светом, как оживший янтарь»¹²³ акцент смещен на теплоту света, несмотря на его тусклость, что подчеркивается сравнением с ожившим янтarem.

Итак, свет может быть сравнен с бытовыми предметами (светильниками), с сиянием большого количества солнц, в некоторых случаях использованы поэтические сравнения типа «оживший янтарь».

2. Нанизывание однородных определений (23).

2.1. Два однородных определения (3). В данной группе конструкции схожи с теми, что используются в 3- и 4-компонентных сочетаниях: 'объект света + характеристика (физическая, в т.ч. цветовая, магическая, оценочная) + глагол начала, продолжения или окончания процесса свечения', с вариатив-

¹²⁰ *Я иду искать*, АСТ, Москва 2016.

¹²¹ *Я или ночь // Сказки Старого Вильнюса*, т. 5, АСТ, Москва 2015.

¹²² *Оплата по договоренности // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹²³ «Книга огненных страниц» // *Болтливый мертвец*, АСТ, Москва 2006.

ным добавлением обстоятельств, ср.: «засияли изнутри холодным синеватым светом»¹²⁴. Указанная конструкция, типичная для текстов Фрая, содержит характеристику света по температуре: «холодный», по цвету: «синеватый» (интенсивность оттенка снижается с помощью суффикса «-еват-») с локализацией «изнутри», указывающей на субъектность, глагол актуализирует начало свечения: «засияли». В примере: «слегка светилось [...] печальным голубоватым сиянием»¹²⁵ присутствует двойное указание на низкую интенсивность свечения: наречие «слегка» и суффикс «-оват-» в определении «голубоватым». Кроме того, наблюдаем оценочную характеристику сияния: «печальным», и глагол, указывающий на непрерывность процесса: «светилось». Подобную оценочную характеристику, но в позитивном ключе, наблюдаем в конструкции «засверкали какие-то симпатичные голубые искорки»¹²⁶. Определение «какие-то симпатичные» и уменьшительно-ласкательный суффикс «-к-» способствуют позитивному суггестивному эффекту в комбинации с глаголом начала свечения «засверкали», который к тому же создает внутреннюю аллитерацию: «засверкали искорки».

Конструкции с двумя однородными определениями схожи с 3-компонентными сочетаниями, однако расширены различными обстоятельствами, и позволяют вообразить читателю процесс в сочетании с движением, изменениями субъекта свечения, характеристиками света, как физическими, так и оценочными, обозначающими отношение героя к свету или его источнику.

2.2. Более двух однородных определений (10). Подобные конструкции определяют особое внимание автора к описанию света. Чаще всего такие сочетания встречаются в текстах из цикла «Тяжелый свет Куртейна», в котором свет и его физические и другие характеристики являются сюжетообразующими. Выделим небольшую подгруппу, где однородные определения выражают различные характеристики света.

«[...]белым, тусклым, жутким, прельстительным, обманчиво ясным светом[...]»¹²⁷. Пять определений содержат физические

¹²⁴ *Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

¹²⁵ *Очки Багги Бугвина // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

¹²⁶ *Корабль из Арвароха и другие неприятности // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

¹²⁷ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

характеристики света, как то, цвет: «белый», интенсивность: «тусклый», контрастные оценки: «жуткий, прельстительный»; в некоторой степени биоморфизм: «обманчиво ясный».

«[...]озаряется невыносимо тяжелым, прельстительно синим, ярким, невидимым, то есть не всякому глазу зримым сиянием, светом его маяка»¹²⁸. В приведенном примере из четырех определений два несут оценочную характеристику, выраженную наречием и прилагательным: «невыносимо тяжелым» (оценка выражена обоими компонентами); «прельстительно синим» ('оценка+цвет'). Определение «невидимым» указывает на мистическую природу сияния, поскольку материальный свет, согласно словарям, является видимым: так, в словаре Дмитрия Ушакова первое значение указывает на видимость излучения: «Лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир доступным зрению, видимым»¹²⁹, так же и в *Русском толковом словаре* Владимира Лопатина свет имеет первое значение «Электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир»¹³⁰. Таким образом, «невидимый свет» явно противоречит природе привычной для читателя реальности, его источник выходит за пределы обычного зрительного восприятия: «невидимым, то есть не всякому глазу зримым». Обратим внимание на уточнение: «видимым не всякому глазу», то есть увидеть его могут избранные. Важен порядок нанизывания определений: оценка восприятия, оценка цвета, интенсивность, мистическая природа, что способствует градационному эффекту. Указан объект свечения: «свет его маяка». Синонимичная конструкция: «восхитительный, невыносимый, яркий, холодный синий невидимый свет маяка»¹³¹; наблюдаем иной порядок нанизывания определений: 'оценка восприятия, в данном случае парадоксальная («восхитительный», «невыносимый»), интенсивность, температура, цвет, мистическая природа, объект свечения'.

Подобное сочетание находим в другом примере с противопоставлением цветовой характеристики света: «свет был не синим,

¹²⁸Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

¹²⁹Д. Ушаков, Толковый словарь современного русского языка, Альта-принт, Москва 2005, 852.

¹³⁰В. Лопатин, Толковый словарь современного русского языка, Эксмо, Москва 2013, 531.

¹³¹Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

а желтым. Но таким же холодным и невыносимо ярким»¹³². Речь идет о наблюдении света наяву (синий) — холодный и во сне (желтый) — теплый. Идентичность характеристик температуры («холодный»), восприятия («невыносимо») и интенсивности («яркий») подчеркивается конструкцией «таким же».

Синонимичной и одновременно антонимичной предыдущим считаем конструкцию «невидимый глазу, упоительный, почти непереносимый для человека свет»¹³³. Синонимичность выражается в указании на мистическую природу света и восприятие его человеком: «невидимый глазу», «непереносимый для человека». Антонимичность — в оценочности: если в предыдущем примере свет «прельстительный», что несет негативную коннотацию, то здесь он «упоительный».

Сложность восприятия синего света маяка для человека доведена до крайней точки в сочетании «ядовитый неоновый, практически бьющийся в судорогах ультрамарин»¹³⁴, где использованы лексемы с негативной коннотацией «ядовитый» в сочетании с «неоновый [...] бьющийся в судорогах», и название яркого оттенка синего «ультрамарин».

В цикле «Тяжелый свет Куртейна» развернутые описания содержат множественные и многогранные характеристики света маяка. Подобные конструкции встречаются и в других текстах, они акцентируют мистическую природу света и его оценочные характеристики. Однако в тексте *Каждый хотел бы так* речь идет о Венеции как специфическом месте, где невидимое, мистическое проявление света становится видимым для всех: «сияющие нити, протянутые между небом и землей, видные тут невооруженным глазом»¹³⁵.

Небольшую группу представляют собой конструкции со **множественными однородными определениями** (10), выражающими чередование одного признака — цветового: «пестрые квадраты прозрачного света: желтого, розового, зеленого, фиолетового»¹³⁶; здесь указана форма света и его плотность: «квадраты», «прозрачного». Обратим внимание на характеристику «прозрачного»: Кудлинська, анализируя моделирующий кон-

¹³²Тяжелый свет // Сказки Старого Вильнюса, т. 4, АСТ, Москва 2015.

¹³³Слишком много кошмаров, АСТ, Москва 2015.

¹³⁴Тяжелый свет Куртейна. Синий. АСТ, Москва 2018.

¹³⁵Каждый хотел бы так // Ветры, ангелы и люди, АСТ, Москва 2014.

¹³⁶Дебют в Echo // Чужак. АСТ, Москва 2007.

цепт СВЕТ в современном русском и польском рекламных дискурсах, указывает со ссылкой на Монику Бакке:

С символикой света неразрывно связана категория прозрачности, понимаемая как форма восприятия. Прозрачность, детерминированная созидательной силой света как источника космического излучения, является метафизической реализацией человеческого стремления видеть больше («сквозь, через» что-л.), а также видеть по-другому (через образ, несущий / излучающий свет)¹³⁷.

Похожий пример нанизывания однородных определений: «вспыхнул свет — изумрудно-зелёный, розовый, оранжевый, снова зелёный, красный, голубой»¹³⁸. В наличии глагол начала свечения; в примере «из какого-то неизвестного материала, сверкающего, полупрозрачного, текучего»¹³⁹ однородные определения относятся не непосредственно к свету, а к объекту свечения, характеризуя его по характеру свечения — «сверкающего»; плотности — «полупрозрачного» и сближению с водой по физическим свойствам — «текучего». Однородные определения обособлены двоеточием, тире или запятой в постпозиции главного слова.

Два примера демонстрируют признаки биоморфизма света, указывая на присущие ему, словно человеку, черты характера: «потoki света [...] казались живыми и какими-то сердитыми»¹⁴⁰; субъективность одушевления света и осознание этой субъективности героем акцентируют лексемы «казались» и «какими-то». В примере «застывший фонтан черного света, скорее угрожающий, чем дружелюбный»¹⁴¹ использован оксюморон «черный свет», субъективность восприятия выражена через лексему «скорее», а также описан «характер» света: «скорее угрожающий, чем дружелюбный». Отсутствие черного света в «реальной» повседневности (см. примеры выше о «светящейся тьме»), его неестественность логично аргументируют такой его «характер».

¹³⁷Х. Кудлинська, *Моделирующий концепт «СВЕТ» в современном русском и польском рекламном дискурсе*, «Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки» 2006, том 148, кн. 3. См.: М. Bakke, *Efemeryczne i przezroczyste* // А. Jamrozakowa (ред.), *Rewizje — kontynuacje. Sztuka i estetyka w czasach transformacji*, Humaniora, Poznań 1996, с. 89–100.

¹³⁸*Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

¹³⁹*Strange love* // *Сказки Старого Вильнюса*, т. 4, АСТ, Москва 2015.

¹⁴⁰*Тень Гугимагона* // *Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

¹⁴¹*Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

В трех примерах свет возводится в экзистенциальную плоскость, в некоторых случаях он ассоциируется с миром: «свет, который пронизывает весь Мир»¹⁴²; наблюдаем позитивную коннотацию слова «пронизывает». В других примерах свет соотносится с религиозными исканиями: «свет — то ли сам бог, то ли кратчайший путь к нему»¹⁴³; а также может быть присущ реальности в процессе ее изменений: «реальность зазвенела, заискрилась, пошла в пляс»¹⁴⁴ — в качестве однородных сказуемых выступает звуковая характеристика: «зазвенела»; световая — «заискрилась», описание движения — «пошла в пляс». Все глаголы обозначают начало процесса звучания, движения, свечения.

Три конструкции описывают природу света, ситуацию его возникновения: «к небу взмыл настоящий фейерверк, образованный причудливым переплетением оживших струй воды и огня»¹⁴⁵. Своеобразная природа фейерверка, как формы света, охарактеризована с помощью лексем «причудливым», «переплетением», а также метафоры «оживших струй воды». Световые эффекты могут сопровождать распад формы: «пляску нескольких тысяч крошечных клочков сияющего тумана, на которые... рассыпался призрак Иосиф»¹⁴⁶. Как и в рассмотренном выше примере с «крошечными пылинками», очень маленький размер световых элементов — «крошечных клочков сияющего тумана» — уравнивается их количеством («нескольких тысяч»), и движением («пляску»).

Наблюдаем описание трансформации света магического происхождения и последствия его использования: «сгусток ослепительно-зеленого сияния стал огромным и взорвался, распоров мерцающее пространство»¹⁴⁷. В данном случае происходит некое противостояние света разной природы: «сгусток ослепительно-зеленого сияния» (шаровая молния), охарактеризованный по плотности («сгусток») и цвету («ослепительно-зеленого») увеличивается в размерах, что ему обычно не свойственно. Такая трансформация вызвана тем, что магическая молния была вы-

¹⁴² *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

¹⁴³ *Сундук мертвеца*, АСТ, Москва 2017.

¹⁴⁴ *Например, позавчера // Сказки Старого Вильнюса*, т. 2, АСТ, Москва 2013.

¹⁴⁵ *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹⁴⁶ *Только начало // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹⁴⁷ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

пущена не в человека/животное, а в одушевленное пространство города Черхавла, вследствие чего «сгусток» «взорвался, распоров мерцающее пространство». Световая природа города-наваждения Черхавла описана в нескольких текстах из разных циклов, посвященных городу Ехо. В зависимости от сюжетной ситуации, меняются коннотации описания ее природы. Так, конструкция «безумным скоплением мельтешащих ярких пятен» встречается в тексте *Сладкие грезы Гравви*¹⁴⁸, в котором город впервые выступает участником коммуникативной ситуации и пытается взять в плен главного героя. Поскольку повествование ведется от имени этого героя, использованы слова с негативной коннотацией «безумным», «мельтешащих», «пятен». При последующих упоминаниях города встречаем более нейтральные конструкции, указывающие на световую, непостоянную, иллюзорную природу города-наваждения: «лоскутное одеяло, сотканное из бликов света всех мыслимых цветов»¹⁴⁹; «лоскутное одеяло, сотканное из пестрых дрожащих бликов света»¹⁵⁰; обратим внимание на почти полную синонимичность описаний. Однако во втором случае переменчивость, дискретность свечения, выраженная с помощью лексемы «бликов», усилена причастием «дрожащих». Наконец, в примере «Кофа иногда еще и истинную природу Черхавлы прозревал. Которая — чистый свет. Зато разноцветный»¹⁵¹, наблюдаем некоторую ироничность в последующем воспоминании героя о путешествии в город-наваждение, выраженной с помощью инверсии, парцелляции и лексем «зато», «прозревал».

Многокомпонентные конструкции позволяют использовать сравнения, метафоры, включать множественные однородные определения, характеризующие оценочную, физическую (в т.ч. цветовую), мистическую характеристики света. С их помощью создаются многогранные визуализации процесса магического свечения, расшифровывается природа реальности множественных миров.

Выводы. Свет является важной составляющей концепта МАГИЯ в мирах Макса Фрая. Наиболее широко его можно по-

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ М. Фрай, *Мертвый ноль*, АСТ, Москва 2018.

¹⁵⁰ М. Фрай, *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹⁵¹ М. Фрай, *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

нимать как характеристику 'живого мира/живой реальности', свет может быть связан с экзистенциальными переживаниями персонажей и сопровождаться религиозными аллюзиями. Как свойство реальности (мира), свет может исходить от неба, воды, архитектурных сооружений или составлять природу городов. Помимо «видимой» реальности, в мире Ехо, как и в некоторых других мирах, присутствует «изнанка» мира (Темная Сторона), характеризующаяся инвертированием света или его нестандартными для видимой реальности свойствами.

Наиболее частотными являются лексемы, обозначающие **свет как физическое явление** (62): свет (52), сияние (7), огонь (3); **процесс свечения** (51), выраженный причастиями (26), обозначающими дискретность света: сияющий (17), сверкающий (5), мерцающий (3), блистающий (1) а также глаголами (11): мерцать (5), сиять (3), сверкать (2), искриться (1); перманентность свечения (14): светить(ся) (11), сиять (3); **цветовые характеристики** (48): желтый (11), белый (11), зеленый (9), синий (9), розовый (2), лиловый (2), синеватый (1), сиреневый (1), красный (1), черный (1); **физические характеристики** (45): интенсивность и температура (33) — яркий (12), холодный (9), бледный (8), теплый (4); форма / концентрация (12) — молния (4), нити (2), искра (2), сгусток (2), поток (1), фонтан (1); **«мистические» и субъективные характеристики** (17): невыносимый (5), невидимый (3), прельстительный (3), непереносимый (2), упоительный (1), изумительный (1), неприятный (1), печальный (1).

Разнообразие используемых лексем для обозначения процесса свечения, характеристик света, служит для создания объемной картины магического процесса. Наиболее информативными являются конструкции из 3-х, 4-х и более компонентов, которые с помощью сравнений или однородных конструкций позволяют более полно представить читателю происходящее в тексте. Почти полное отсутствие однокомпонентных конструкций свидетельствует о важной роли света в создании фэнтезийного дискурса.

Между цветообозначением света и непосредственно магическими действиями не наблюдается постоянной связи, за исключением заранее установленных обозначений, как то: цвет Смертного шара Макса всегда зеленый, цвет молний Лонли-Локли — белый. Свет маяка наяву, проводящий заблудившихся

на Другой стороне через маяк — синий (неприятный, отталкивающий); свет маяка во сне, опасный полным забвением Этой стороны — желтый, также неприятный. В иных случаях интенсивность, температура и цвет света могут различаться без корреляции с процессом. Наличие в объекте магических свойств или способности к магии субъекта чаще всего выражается глаголами/причастиями «светить(ся)» и «сиять/сияющий».

Перспективы исследования. В данном исследовании мы рассмотрели только синтаксические и лексические особенности описания концепта СВЕТ в фэнтезийном дискурсе Макса Фрая. Перспектива данного анализа состоит в том, чтобы уделить внимание детальному изучению взаимосвязи света с магией: так, свет может являться свойством самой магии или реальности, быть признаком наличия в объекте магических свойств или потентности субъекта к магии; свет может проявляться в результате колдовства и т.д. Кроме того, нераскрытой осталась тесная взаимосвязь концептов СВЕТ и ТЬМА, представленных в фэнтезийных текстах Макса Фрая в нетрадиционной интерпретации.

REFERENCES

- Bakke, Monika. “Efemeryczne i przezroczyście.” *Rewizje — kontynuacje*. Jamroziankowska, Anna. Ed. Poznań: Humaniora, 1996: 89–100.
- Fray, Maks. “Belyy klyuch.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 6. Moskva: AST, 2017: 7–21 [Фрай, Макс. “Белый ключ.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 6. Москва: АСТ, 2017: 7–21].
- Fray, Maks. “Boltlivyy mertvets.” *Boltlivyy mertvets*. Moskva: AST, 2006: 151–266 [Фрай, Макс. “Болтливый мертвец.” *Болтливый мертвец*. Москва: АСТ, 2006. 151–266].
- Fray, Maks. “Chernyy veter.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 2. Moskva: AST, 2013: 140–160 [Фрай, Макс. “Черный ветер.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 2, Москва: АСТ, 2013: 140–160].
- Fray, Maks. *Gnezda Khimer. Khroniki Khugaydy*. Moskva: AST, 2015 [Фрай, Макс. *Гнезда Химер. Хроники Хугайды*. Москва: АСТ, 2015].
- Fray, Maks. “Golova i lira plyli po Gebru.” *Neizvestnym dlya menya sposobom*. Moskva: AST, 2019: 262–279 [Фрай, Макс. “Голова и лира плыли по Гебру.” *Неизвестным для меня способом*. Москва: АСТ, 2019. 262–279].
- Fray, Maks. “Debyut v Ekho.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 9–82 [Фрай, Макс. “Дебют в Эхо.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 9–82].
- Fray, Maks. “Dve gorsti gorokha, odna — morskogo peska: *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 371–412 [Фрай, Макс. “Две горсти гороха, одна

КОНЦЕПТ СВЕТ...

- морского песка.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 371–412].
- Fray, Maks. “Kamera №5 khokh-au.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 165–218 [Фрай, Макс. “Камера №5 хох-ау.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 165–218].
- Fray, Maks. “Kazhdyy khotel by tak.” *Vetry, angely i lyudi*. Moskva: AST, 2014: 302–345 [Фрай, Макс. “Каждый хотел бы так.” *Ветры, ангелы и люди*. Москва: АСТ, 2014: 302–345].
- Fray, Maks. “Kniga ognennykh stranits.” *Boltlivyy mertvets*, Moskva: AST, 2006: 479–532 [Фрай, Макс. “Книга огненных страниц.” *Болтливый мертвец*, Москва: АСТ, 2006: 479–532].
- Fray, Maks. “Korabl’ iz Arvarokha i drugie nepriyatnosti.” *Volonteryy vechnosti*. Moskva: AST, 2007: 165–362 [Фрай, Макс. “Корабль из Арвароха и другие неприятности.” *Волонтеры вечности*. Москва: АСТ, 2007: 165–362].
- Fray, Maks. “Korol’ Bandyzhi.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 299–370 [Фрай, Макс. “Король Банджи.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 299–370].
- Fray, Maks. “Magakhonskie lisy.” *Volonteryy vechnosti*. Moskva: AST, 2007: 5–164 [Фрай, Макс. “Магахонские лисы.” *Волонтеры вечности*. Москва: АСТ, 2007: 5–164].
- Fray, Maks. *Master vetrov i zakatov*. Moskva: AST, 2014 [Фрай, Макс. *Мастер ветров и закатов*. Москва: АСТ, 2014].
- Fray, Maks. *Mertvyy nol’*. Moskva: AST, 2018 [Фрай, Макс. *Мертвый ноль*. Москва: АСТ, 2018].
- Fray, Maks. “Mnogo prekrasnykh dorog.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 1. Moskva: AST, 2012: 176–187 [Фрай, Макс. “Много прекрасных дорог.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 1. Москва: АСТ, 2012: 176–187].
- Fray, Maks. “Naprimere, pozavchera.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 2. Moskva: AST, 2013: 108–139 [Фрай, Макс. “Например, позавчера.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 2. Москва: АСТ, 2013: 108–139].
- Fray, Maks. “Na sdachu.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 1. Moskva: AST, 2012: 7–14 [Фрай, Макс. “На сдачу.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 1. Москва: АСТ, 2012: 7–14].
- Fray, Maks. “Ochki Baggi Bugvina.” *Volonteryy vechnosti*. Moskva: AST, 2007: 363–450 [Фрай, Макс. “Очки Багги Бугвина.” *Волонтеры вечности*. Москва: АСТ, 2007: 363–450].
- Fray, Maks. “Oplata po dogovorennosti.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 15–30 [Фрай, Макс. “Оплата по договоренности.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 15–30].
- Fray, Maks. *Otday moe serdtse*. Moskva: AST, 2017 [Фрай, Макс. *Отдай мое сердце*. Москва: АСТ, 2017].
- Fray, Maks. “Posle togo, kak vse.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 7–14 [Фрай, Макс. “После того, как всё.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 7–14].
- Fray, Maks. “Puteshestvie v Kettari.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 471–581 [Фрай, Макс. “Путешествие в Кеттари.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 471–581].
- Fray, Maks. “Sladkie grezy Gravvi.” *Navazhdeniya*. Moskva: AST, 2005: 169–343 [Фрай, Макс. “Сладкие грезы Гравви.” *Наваждения*. Москва: АСТ, 2005: 169–343].
- Fray, Maks. *Slishkom mnogo кошмаров*. Moskva: AST, 2015 [Фрай, Макс. *Слишком много кошмаров*. Москва: АСТ, 2015].

- Fray, Maks. "Strange love." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 4. Moskva: AST, 2015: 52–86 [Фрай, Макс. "Strange love." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 4. Москва: АСТ, 2015: 52–86].
- Fray, Maks. *Sunduk mertvetsa*. Moskva: AST, 2017 [Фрай, Макс. *Сундук мертвеца*. Москва: АСТ, 2017].
- Fray, Maks. "Ten' Gugimagona." *Prostye volshebnye veshchi*. Moskva: AST, 2005: 5–170 [Фрай, Макс. "Тень Гугимагона." *Простые волшебные вещи*. Москва: АСТ, 2005: 5–170].
- Fray, Maks. "Tol'ko nachalo." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 37–100 [Фрай, Макс. "Только начало." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3: Москва: АСТ, 2014: 37–100].
- Fray, Maks. *Tuburskaya igra*. Amfora, Moskva: 2013 [Фрай, Макс. *Тубурская игра*, Амфора, Москва 2013].
- Fray, Maks. "Tyazhelyy svet." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 4. Moskva: AST, 2015: 214–253 [Фрай, Макс. "Тяжелый свет." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 4. Москва: АСТ, 2015: 214–253].
- Fray, Maks. *Tyazhelyy svet Kurteyna. Zheltyy*. Moskva: AST, 2019 [Фрай, Макс. *Тяжелый свет Куртейна. Желтый*. Москва: АСТ, 2019].
- Fray, Maks. *Tyazhelyy svet Kurteyna. Siniiy*. Moskva: AST, 2018 [Фрай, Макс. *Тяжелый свет Куртейна. Синий*. Москва: АСТ, 2018].
- Fray, Maks. "Vozvrashchenie Ugurbado." *Vlast' nesbyvshegosya*. Moskva: AST, 2005: 5–192. [Фрай, Макс. "Возвращение Угурбадо." *Власть несбывшегося*. Москва: АСТ, 2005: 5–192].
- Fray, Maks. *Vsya pravda o nas*, Moskva: AST, 2015 [Фрай, Макс. *Вся правда о нас*, Москва: АСТ, 2015].
- Fray, Maks. "...vumyshlennyykh sushchestv." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 1. Moskva: AST, 2012: 188–195 [Фрай, Макс. "...вымышленных существ." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 1. Москва: АСТ, 2012: 188–195].
- Fray, Maks. *Ya idu iskat'*. Moskva: AST, 2016 [Фрай, Макс. *Я иду искать*. Москва: АСТ, 2016].
- Fray, Maks. "Ya ili noch'." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 5. Moskva: AST, 2015: 98–111 [Фрай, Макс. "Я или ночь." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 5. Москва: АСТ, 2015: 98–111].
- Fray, Maks. "Zelenye vody Ishmy." *Navazhdeniya*. Moskva: AST, 2005: 5–192 [Фрай, Макс. "Зеленые воды Ишмы." *Наваждения*. Москва: АСТ, 2005: 5–192].
- Fray, Maks. "Zhili v shatrakh, umyvalis' biserom." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 175–180 [Фрай, Макс. "Жили в шатрах, умывались бисером." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 175–180].
- Grigor'eva, Tat'yana. "Yazykovaya zhizn' kontseptov 'svet' i 't'ma' (na materiale russkogo yazyka)." *Vestnik MGLU*, вып. 570: 62–75 [Григорьева, Татьяна. "Языковая жизнь концептов 'свет' и 'тьма' (на материале русского языка)." *Вестник МГЛУ*, вып. 570: 62–75].
- Gyulumyan, Lusine. *Yazykovaya ob"ektivatsiya kontseptov SVET i T'MA v dokumental'nykh i khudozhestvennykh tekstakh L.N. Andreeva*. Monografiya. Armavir: RIO AGPU, 2018 [Гюлумян, Лусине. *Языковая объективация концептов СВЕТ и ТЬМА в документальных и художественных текстах Л.Н. Андреева*. Монография. Армавир: РИО АГПУ, 2018].

- Kudlins'ka, Halina. "Modeliruyushchiy kontsept 'SVET' v sovremennom russkom i pol'skom reklamnom diskurse." *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Т. 148, кн. 3. 2006 [Кудлинська, Халина. "Моделирующий концепт 'СВЕТ' в современном русском и польском рекламном дискурсе." *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*. Т. 148, кн. 3. 2006].
- Lopatin, Vladimir. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Eksmo, 2013 [Лопатин, Владимир. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва: Эксмо, 2013].
- Maksimenko, Nikolay. *Biomorfizm kak komponent individual'no-avtorskogo osmysleniya kontsepta "SVET" B.L. Pasternakom* [Максименко, Николай. *Биоморфизм как компонент индивидуально-авторского осмысления концепта "СВЕТ" Б.Л. Пастернаком*].
- <<https://cyberleninka.ru/article/n/biomorfizm-kak-komponent-individual-no-avtorskogo-osmysleniya-kontsepta-svet-b-l-pasternakom/viewer>>.
- Ploug, Scott D. Vander, and Phillips, Kenneth. "Playing With Power: The Science of Magic in Interactive Fantasy." *Journal of the Fantastic in the Arts*, 1998, Vol. 9, no. 2 (34).
- Polezhaeva, Zhanna. *Ideya sveta v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale glagol'noy leksiki)*. Avtoref. [...] kand. Filol. Nauk. Kemerovo, 2008 [Полежаева, Жанна. *Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики)*. Автореф. [...] канд. филол. наук. Кемерово, 2008].
- Ponomareva, Tat'yana. "Kontsepty 'svet' i 't'ma' v poezii rannego N. Klyueva." *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse (pamyati Rimmy Mikhaylovny Lazarchuk): Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (12–14 marta 2014 g., Cherepovets)*. Cherepovets: Cherepovetskiy gos. un-t, 2015: 97–103 [Пономарева, Татьяна. "Концепты 'свет' и 'тьма' в поэзии раннего Н. Клюева. Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец). Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2015: 97–103].
- Rodionova, Anna. "Sredstva vyrazheniya semy "nasyshchennost' osnovnogo tona tsveta" kontsepta sveta i t'my v russkom i angliyskom yazykakh" [Родионова, Анна. "Средства выражения семы 'насыщенность основного тона цвета' концепта света и тьмы в русском и английском языках"] <<https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semy-nasyshchennost-osnovnogo-tona-tsveta-kontsepta-sveta-i-tmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer>>.
- Timonina, Tat'yana. "Kontseptualizatsiya sveta i t'my v yazykovoy kartine mira A. Merdok." *Yazyk i kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom sotsiume*, 2014: 142–151 [Тимонина, Татьяна. "Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира А. Мердок." *Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме*, 2014: 142–151].
- Ushakov, Dmitriy. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Al'ta-print, 2005. 852 [Ушаков, Дмитрий. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва: Альта-принт, 2005. 852].